

Ночь выдалась безлунная, и для целей Дубины Джексона это было самое оно.

Джексон ловил любопытных кальмаров, прозванных так за любопытство, которое было присуще им ровно в той же мере, что и кальмарность. То есть их любопытство и было в них самым любопытным.

Не успевали кальмары толком полюбопытствовать по поводу лампы, ввешенной Дубиной за кормой, как их любопытство получало новую подпитку: сородичи-кальмары один за другим и во все возрастающих количествах с регулярным всплеском принимались исчезать в вышине.

Кое-кто из исчезнувших кальмаров, перед тем как унести ввысь, с интересом разглядывал очень любопытную остро-колючую палку, стремительно приближающуюся сквозь воду...

Любопытный кальмар чрезвычайно любопытен. К сожалению, способность связывать события и делать выводы развита у него не настолько.

Плыть досюда было далековато, но, как правило, оно того стоило. Любопытные кальмары были абсолютно безвредными мелкими морскими тваря-

ми — и, согласно заявлениям самых авторитетных гурманов, невероятно мерзкими на вкус. Именно поэтому данный вид кальмаров пользовался огромным спросом в ресторанах со специфическим уклоном, где шеф-повар способен сотворить истинное чудо: приготовить блюдо из кальмара, которое по вкусу точь-в-точь та же курица.

Так вот, сегодняшняя ночь была безлунной, таинственной и как будто созданной для метания икры — в подобные ночи любопытные кальмары особо любопытны ко всем и вся. В общем, как уже говорилось, самое оно. И в то же время море выглядело так, словно бы тут уже поработал какой-то заезжий шеф-повар.

Ни одного любопытного глаза. Да и рыб что-то не видно. Впрочем, нет — вот плывет одна! Рыбешка мелькнула под лодкой и стремительно умчалась в темноту, как будто от кого-то удирая.

Отложив трезубец, Дубина Джексон перебрался на корму, где таращился в воду его сын Лес. На темной поверхности колебалось световое пятно от факела.

— Полчаса — и ни единого кальмара! — покачал головой Дубина.

— А мы точно куда надо приплыли, па?

Прищурившись, Дубина окинул взглядом горизонт. Над Клатчским побережьем небо слабо светилось. Там располагался город Аль-Хали. Дубина повернулся на сто восемьдесят градусов. В противоположной стороне горизонт тоже горел, но уже над Анк-Морпорком. Лодка тихо покачивалась точно посередине между двумя мегаполисами.

— Ясно куда надо, — буркнул он, но прозвучало это не слишком убедительно.

Он вдруг осознал, что море абсолютно застыло, стало ненормально неподвижным. Да, лодка продолжала слегка покачиваться, но причиной тому были беспокойные пассажиры, а вовсе не волны.

Как будто перед штормом... Однако звезды в небе, не затмеваемые ни единым облачком, мирно поблескивали.

Те же звездные огоньки мерцали и на поверхности моря. А вот такое Дубина видел впервые.

— Пожалуй, надо бы валить отсюда, — решил он. Лес жестом указал на обвисший парус:

— А дуть чем будем, пап?

И тут они услышали плеск весел.

Напряженно взглядевшись во мрак, Дубина различил силуэт другой лодки, направляющейся прямо к ним. Он схватился за багор.

— Ага, так я и знал, что это все ты, вороватый заграничный гад! — заорал Дубина.

Плеск весел прекратился.

— Да поедят тебя тысяча бесов, проклятый воюга! — раздался ответный вопль.

Чужеземная лодка продолжала плыть по инерции. Вскоре стало видно, что на носу у нее нарисованы глаза.

— Ну что, всех переловил? — крикнул Дубина. — Плыви, плыви ближе! Я проткну тебя трезубцем, придонная гниль!

— Прежде мой изогнутый меч рассекает твою шею, нечистый сын развратной собаки!

Лес прищурился. На морской поверхности забулькали странные пузырьки.

— Па?

— Жирный Ариф собственной персоной! — не успокаивался Дубина. — Как я сразу не догадался?! О, я давно знаю эту лживую сволочь: он таскается сюда годами, ворует *наших* кальмаров!..

— Па, тут...

— Ты берись за весла, а я вышибу его паршивые гнилые зубы!

Из другой лодки до Леса донеслось:

— ...Посмотри, сынок, на этого поганого рыбного вора!

— Гребите! — проревел у самого его уха отец.

— За весла! — отозвались с другой лодки.

— Чьих кальмаров он ворует? — удивился Лес.

— Наших, сынок, наших!

— Они что, стали нашими еще до того, как мы их поймали?

— Рассуждать будешь потом, а сейчас гребите!

— Но лодка не двигается, пап, мы на чем-то крепко сидим!

— Под нами сто морских саженей, сынок, — на чем мы можем сидеть?!

Лес предпринял еще одну попытку высвободить весло, застрявшее в странном предмете, который неторопливо поднимался из водоворота пены и пузырей.

— Похоже, пап, мы сидим на... курице!

Из морских глубин донесся звук. Как будто там, внизу, ударили в гигантский колокол или гонг.

— Куры не плавают!

— Она железная, па!

Дубина попятился в хвост лодки.

Это и в самом деле оказалась курица. Железная. Обросшая водорослями и облепленная ракушками, какая водой, она продолжала свое величественное вознесение к звездам.

Восседая на насесте в форме креста.

На каждой перекладине которого было выбито по букве.

Дубина посветил факелом.

— Что за...

Рывком высвободив весло, он брякнулся подле сына.

— Греби что есть сил, Лес!

— Но что тут происходит, пап?

— Закрой рот и греби! Надо поскорее уносить ноги отсюда!

— Это какое-нибудь морское чудовище, па?

— Хуже, сынок! — прокричал Дубина, изо всех сил работая веслами.

К этому времени курица успела вознестись довольно высоко, и выяснилось, что опорой ей служит сооружение, весьма похожее на башню...

— Да что же это такое, па?! *Что* это?

— Флюгер, чтоб ему пусто было!

С геологической точки зрения ничего особенного не произошло. Континенты периодически уходят под воду, и, как правило, это сопровождается извержениями вулканов, землетрясениями и массовым исходом суденышек с носителями подлинной оккультной мудрости на борту. Добравшись до бли-

жайшего берега, эти самые носители тут же начинают воздвигать на новой земле всякие пирамиды и мистические круги из камней — не иначе как с целью привлечения внимания девушек. А вот поднятие континента вызвало разве что легкую рябь. Он прокрался на свое место, будто кот, загулявший на пару дней и точно знающий, что хозяин волнуется.

Да, некоторые комментарии вызвала большая волна, обрушившаяся на берега Круглого моря (впрочем, достигнув побережья, она уже не превышала в высоту пяти-шести футов). Ну и в болотистых низинах вода затопила пару-тройку деревьев, до которых все равно никому не было никакого дела. В смысле же сугубо геологическом не изменилось почти ничего.

Но это в сугубо геологическом.

— Па, да это ведь город! Смотри, вон окна, вон...

— Тебе сколько раз повторять? Закрой рот и гребь!

По улицам, бурля и пенясь, неслась вода, а по обеим сторонам от лодки из этой самой пены неторопливо поднимались гигантские, поросшие водорослями здания.

Отец с сыном выбивались из сил, сражаясь с увлекающим суденышко потоком. Однако правило номер один в искусстве гребли гласит: чтобы куда-либо уплыть, грести нужно спиной вперед. Разумеется, они не заметили вторую лодку...

— Чокнутый!

— Дурак!

— Не лапай шпиль! Этот город принадлежит Анк-Морпорку!

Лодки закружились, временно объединенные общим водоворотом.

— От имени серифа Аль-Хали заявляю права на эту землю!

— Мы первыми ее увидели! Лес, скажи, мы первыми ее увидели?!

— Это мы первыми ее увидели, еще до того, как первыми увидели ее вы!

— Лес, ты свидетель, он пытался ударить меня веслом!

— Но, па, ты ведь замахнулся на него трезубцем...

— Видишь, Акхан, как вероломны эти чужеземцы?!

А затем обе лодки одновременно заскрежетали обо что-то килем и, застряв в тине, начали крениться набок.

— Отец, глянь, какая интересная статуя...

— Он ступил на клатчскую землю! Кальмарный ворюга!

— О, *nana*...

Противники внезапно умолкли, главным образом чтобы перевести дух. Крабы бросились врассыпную. Вода на глазах отступала, пробуривая в серой тине меж покрытыми водорослями островками извилистые каналы.

— Отец, ты только посмотри, кое-где даже цветная черепица сохранилась...

— Это мое!

— Нет, мое!

На краткое мгновение взгляды Акхана и Леса встретились. Несмотря на мимолетность мига, юноши успели обменяться друг с другом весьма приличным объемом информации, начиная с галактического размера неловкости за то, что ты не сирота, ну и далее по списку.

— Па, но зачем... — начал было Лес.

— А ты закрой рот! Я ведь о твоём будущем думаю, сынок...

— Понятно, но какой смысл спорить, кто что первым увидел, а, па? Мы за сто миль от дома, и они тоже! Я к тому, все равно никто ничего не узнает!

Ловцы кальмаров обменялись взглядами.

Над их головами вздымались, капая водой, дома. Зияющие дыры вполне могли быть некогда дверьми, а небольшие прямоугольники без стекол — окнами, но сейчас эти здания населяла лишь тьма. Время от времени Лесу казалось, что он слышит, как внутри что-то скользит и шлепает.

Дубина Джексон прочистил горло.

— А ведь парень прав, — пробормотал он. — Что толку спорить? Кроме нас четверых, здесь никого нет.

— И то правда, — согласился Ариф.

Сверля друг друга взглядами, бывшие противники попятились. И почти одновременно раздалось сразу два вопля:

— Хватай лодку!

После некоторой суматохи обе лодки, несомые на вытянутых руках, запрыгали над утопающими в грязи улицами.

А потом развернулись и запрыгали обратно. Под гневные вопли: «Так ты еще и детей воруеть, да?!» — хозяева лодок обменялись отпрысками.

Как хорошо известно всякому человеку, когда-либо изучавшему историю открытий, награда достается вовсе не тому, чья нога первой ступит на девственную почву новой земли, но тому, кто первым вернется домой. С ногой или без оной. Наличие всех конечностей — это уже дополнительный приз.

Флюгеры Анк-Морпорка поскрипывали на ветру.

Как ни странно, лишь очень немногие из них принадлежали к виду петуха домашнего, обыкновенного. Предпочтение отдавалось всяким драконам, рыбам и различным диким зверям. Однако были и исключения. На крыше здания Гильдии Убийц зловещий силуэт в плаще и с кинжалом наготове, скрипнув, занял новую позицию. На крыше Гильдии Попрошаек оловянный попрошайка воззвал к ветру о медном грошике. На крыше Гильдии Мясников медная свинья с шумом втянула пяточком воздух. На крыше Гильдии Воров самый настоящий, хоть и нелегализованный, вор тоже повернулся, повинувшись ветру, — не то чтобы Гильдия Воров хотела продемонстрировать, что никакой механизм не сравнится с человеком, скорее это была демонстрация того, как в Гильдии относятся к нелегализованному воровству.

Флюгер, водруженный на куполе библиотеки Незримого Университета, всегда отставал от своих собратьев и должен был отреагировать на перемену

не раньше чем через полчаса, но все в городе уже и так знали, что ветер изменился: в Анк-Морпорке запахло морем.

Ну а на Саторской площади всюю выступали публичные ораторы, хотя, если говорить по-честному, гордое звание «оратор» было, пожалуй, слишком громким для всякого рода краснобаев, любителей разглагольствовать и увещевать, а также для мычащих себе под нос и любовно обсасывающих собственные бесценные размышления особ, что через равномерные перерывы взбирались на дежурный ящик и начинали взывать к толпе. Но такова была традиция: народ должен выразить свое мнение. Чем громче и публичнее, тем лучше. Считалось, что патриций смотрит на этот обычай с одобрением. Так оно и было. А еще он смотрел на него с вниманием. Глазами специально отряженных людей, которые подробно все записывали.

Не обошлось и без Городской Стражи.

«Это не то же, что шпионить, — уговаривал себя командор Ваймс. — Шпионишь — это когда подсматриваешь из-за угла и украдкой заглядываешь в окна. А когда приходится подалее отходить, чтобы не оглохнуть от шума, — какое ж это шпионство?»

Он рассеянно чиркнул спичкой о сержанта Детрита.

— Это ж я, сэр, — с упреком отозвался сержант.

— Прости, сержант. — Ваймс прикурил сигару.

— А, ничево.

Оба снова прислушались к ораторам.

«Это все ветер, — думал Ваймс. — Ветер всегда несет что-то новое...»

Раньше ораторы, бродившие по кромке здорового рассудка (а то и углубляясь в мирные аллеи по ту сторону), выбирали для своих разглагольствований самые разные темы. Но сегодня на них как будто что-то нашло: все разом превратились в маньяков, одержимых одной и той же идеей.

— ...Пора преподать им урок! — надрывался ближайший. — Почему наши так называемые лорды не прислушиваются к гласу народа? Мы сыты по горло этими распоясавшимися разбойниками! Они воруют нашу рыбу, подрывают торговлю, а теперь принялись и за нашу землю!

«Лучше бы они аплодировали», — подумал Ваймс. Как правило, одобрительных выкриков достаивался всякий оратор, о чем бы тот ни говорил. Но сейчас люди лишь одобрительно кивали. «Да они ведь в самом деле *обдумывают* услышанное...»

— Они украли мой товар! — вопил оратор напротив. — Это целая империя пиратов, демоны их побери! Меня взяли на абордаж! В анк-морпоркских-то водах!

Ответом стал общий ропот праведного негодования.

— А что украли-то, господин Дженкинс? — слышалось из толпы.

— Груз тончайшего шелка!

В толпе засвистели.

— Шелк? Неужели?! Насколько я помню, обычно ты торгуешь лишь рыбьими потрохами да тухлым мясом!

Господин Дженкинс поискал взглядом оппонента.

— Тончайший шелк! — твердо сказал он. — Но городу разве есть до этого дело? Никакого!

Послышались возгласы, что, мол, и в самом деле позор.

— А власти-то в курсе? — продолжал любопытный некто.

Сияясь увидеть вопрошавшего, люди принялись вытягивать шеи. А потом толпа слегка расступилась, открыв взорам фигуру командора Городской Стражи сэра Сэмюеля Ваймса.

— Ну, я, это... я... — замямлил Дженкинс. — Я того... я ж...

— Не знаю насчет города, а мне до этого дело есть, — спокойным голосом произнес Ваймс. — Впрочем, думаю, будет не слишком трудно выяснить, куда делся и где теперь находится груз тончайшего шелка, если от этого самого шелка за версту несет рыбьими потрохами.

Из толпы послышались смешки. Жители Анк-Морпорка, известные знатоки и ценители уличного театра, приветствовали неожиданный поворот сюжета.

Пригвоздив Дженкинса взглядом, Ваймс, обращаясь к сержанту, процедил:

— Детрит, пойдешь с господином Дженкинсом. Его корабль, кажется, называется «Милка». Он покажет все накладные, декларации, квитанции и прочее, и мы спокойно, не торопясь, во всем разберемся.

Гигантская рука Детрита с лязганьем ударила в шлем.

— Так точно, сэр!

— Э-э... Гм... Но... Но это не получится! — зашептался Дженкинс. — Они... в общем... э-э... бумаги тоже украли...

— Экие негодяи! Это чтобы, если расцветка не подойдет, сдать обратно в лавку?

— Э-э... да и потом, судно-то в плавании. Да! Пришлось срочно отправить! Надо же как-то возмещать потери!

— В плавании? Без капитана? — Ваймс склонил голову набок. — Значит, за главного там сейчас Скоплетт? Твой старший помощник?

— Ну да, он самый...

— Проклятье! — Ваймс театрально щелкнул пальцами. — Как раз вчера вечером мы арестовали одного типа с абсолютно таким же именем. Что ж, раз он — это не он, то к обвинению в злостном перепое добавится еще и попытка оговорить честного парня Скоплетта. Хотя опять начнется писанина, завязнешь в ней по уши...

Господин Дженкинс попытался было отвести глаза, но стальной взгляд Ваймса держал крепко. Губы Дженкинса слегка подрагивали, словно он подыскивал остроумный и язвительный ответ, однако ему все-таки хватило ума придержать язык. Широкая улыбка командора Стражи весьма походила на некую ухмылку, которую беспечный ныряльщик может встретить в открытом море. На спине у этой ухмылки, как правило, красуется острый плавник.

Тогда господин Дженкинс принял мудрое решение и дал задний ход.

— Я... э-э-э... Я, пожалуй, пойду, разберусь там... Ну, мне, э-э, пора...

С этими словами он принялся проталкиваться сквозь толпу, которая сначала чуть подождала, не произойдет ли еще что-нибудь интересненькое, но, так ничего и не дождавшись, начала разбредаться в поисках новых развлечений.

— Так че, мне проверить евойную лодку? — спросил Детрит.

— Нет, сержант. Там действительно нет ни шелка, ни бумаг на него. Ничего, кроме стойкого запаха рыбьих потрохов.

— Ну и ну, эти клатчцы! Тащат, стало быть, все, что не прибито гвоздями?

Ваймс покачал головой и зашагал прочь.

— В Клатче ведь нет троллей? — спросил он.

— Никак нет, сэр. Слишком жарко. Тролли мозги на жаре не работают. Окажись я в Клатче, — при ходьбе Детрит постукивал костяшками пальцев о мостовую, — я б совсем дураком стал.

— Детрит?

— Да, сэр?

— Держись от Клатча подальше.

— Так точно, сэр.

Следующий оратор собрал гораздо более многочисленную толпу. За спиной у него красовался большой плакат: «ГРЯЗДНЫЕ ЧУЖОКИ, ЛАПЫ ПРОЧ ОТ ЛЕШПА!»

— Лешп... — недоуменно покачал головой Детрит. — Ну и имечко... Там что, одни беззубые живут?

— Это страна, которая на прошлой неделе всплыла из морских глубин, — устало пояснил Ваймс.

Публика зачарованно внимала оратору, провозглашавшему, что священный долг Анк-Морпорка состоит в том, чтобы «защитить свою плоть и кровь на новой земле». Каменная физиономия Детрита озадаченно вытянулась.

— Ух ты! А земля и вправду вся была в кровичке? — поинтересовался он.

— Это метафора. Но, быть может, все впереди.

«В воздухе витает что-то еще, — подумал Ваймс. — Запах моря, да, и... Нечто неуловимое». Он чувствовал, что грядут перемены. Вокруг только и говорили о Клатче.

Почти сто лет Анк-Морпорк пребывал в состоянии мира, ну, или, по крайней мере, не-войны, с Клатчем. Как-никак они ведь были соседями, а с соседом лучше не ссориться.

Сосед... ха! Что именно стоит за этим словом? Любой стражник может много чего порассказать о поведении соседей. И законники тоже, в особенности те, что побогаче. Для них, к примеру, слово «сосед» обозначает человека, готового полжизни судиться из-за двухдюймовой полоски земли. Люди годами живут бок о бок, по дороге на работу приветствуют друг друга дружеским кивком, а потом случается какая-нибудь ерунда — и вот уже у кого-то из спины торчат садовые вилы.

Так и тут. Стоило вынырнуть из пучины обломку скалы, как кругом сразу принялись спускать собак на Клатч.

— Ааграгаах... — скорбно изрек Детрит.

— Совершенно с тобой согласен. Только, пожалуйста, осторожнее, ты мне все сапоги заплывал, — попросил Ваймс.

— Это типа, — Детрит взмахнул гигантской лапой, — ну, такая штука, которая вот сюда приходит. — И он гулко похлопал себя по мощному заду. — Ааграгаах. Ну, типа... Сначала ты видишь маленькие камушки, они катятся и катятся, и ты вдруг понимаешь, что вот-вот прямо тебе на башку сойдет огромный оползень, но бежать уже поздно. В общем, эта твоя понималка и есть ааграгаах.

Некоторое время Ваймс размышлял, безмолвно шевеля губами, точь-в-точь как Детрит.

— Ты, наверное, говоришь о предчувствии? — догадался наконец он.

— Угу.

— Забавно звучит по-тролльи. Интересно, почему вы так это назвали?

Детрит пожал плечами:

— Может, потому, что именно так ты орешь, когда тебе в заднее место врезается тысячетонная глыба?

— Предчувствие... — Ваймс потер подбородок. — Ну да. У меня-то этих предчувствий хоть отбавляй...

«Оползни и лавины... — подумал он. — Все тихо, мирно, красиво, кругом падают снежинки, легкие как перышко, — и вдруг вся гора начинает ползти на тебя...»

Детрит лукаво покосился на Ваймса.

— Я слышал, некоторые говорят, мол, ты тупой,

как Детрит, — проговорил он. — Но я-то всегда сумею определить, откуда ветер дует.

Ваймс посмотрел на своего сержанта с внезапным уважением.

— И откуда же он сейчас дует?

Трольль многозначительно постучал по шлему.

— Все элементарно, — сказал он. — Видите, сэр, наверху всякие петушки, дракончики, другие зверюшки? И еще этот бедняга, ну, что на крыше у Гильдии Воров? Надо ж только на них глянуть — они все и укажут. Ума не приложу, и откуда они это знают...

Ваймс слегка расслабился. Для тролля Детрит был не так уж и глуп, по уровню интеллекта он находился где-то посредине между каракатицей и канатоходцем, зато на него всегда можно было положиться в одном: Детрит никогда не усомнится в целесообразности твоего приказа.

Детрит подмигнул.

— А еще мне это напоминает те времена, когда берешь дубину побольше и идешь вместе со всеми слушать рассказ о том, как дедушка еще тролленком бил проклятых гномов, — жизнерадостно сообщил Детрит. — Что-то такое носится в воздухе, а, сэр?

— М-м... да, пожалуй... — протянул Ваймс.

Сверху захлопало. Ваймс вздохнул. Сообщение.

С почтовым голубем.

Перепробовали уже все средства. Задействовали драконов — они взрывались в воздухе; бесенята имели привычку жрать письма; да и задумка с масляными семафорными шлемами тоже не удалась —

на ветру огоньки гасли. Но в один прекрасный день капрал Задранец подметила, что анк-морпоркские голуби в результате многовекового гнета со стороны городских горгулий достигли необычайных интеллектуальных высот и стали гораздо умнее своих собратьев, обитателей спокойных мест. Впрочем, не особо выдающееся достижение — бахрома, появляющаяся на отсыревшем старом хлебе, как правило, и то более разумна, чем большинство голубей.

Ваймс вынул из кармана горстку кукурузных зерен. Голубь, послушно исполняя то, чему его так тщательно обучали, сел командору на плечо. И, послушно исполняя зов природы, мгновенно облегчился.

— И все равно, — пробормотал Ваймс, разворачивая записку, — надо бы придумать что-нибудь получше. Каждый раз, когда мы посылаем сообщение констеблю Водослею, он сжирает посланца вместе с письмом.

— На то они и горгульи, — резонно заметил Детрит.

— О, — произнес Ваймс. — Его светлость желает моего присутствия. Как это мило со стороны его светлости.

Лорд Витинари внимательно глядел на выступающего. Он не раз подмечал, что практически любой человек, ощутив пристальное внимание к своей персоне, сразу начинает волноваться и оговариваться.

Ну а на встречах вроде сегодняшней, на совещаниях с сильными города сего, ухо тем более надо

было держать востро, ведь эти люди сообщали ему только то, что хотели сообщить. А значит, прислушиваться следовало не столько к словам, сколько к паузам между ними. Именно в этих провалах крылось то, чего (по мнению выступающих) патриций не знал и о чем (как они искренне надеялись) никогда не узнает.

В данный момент лорд Витинари слушал лорда Низза, вернее, прислушивался к тому, о чем глава Гильдии Убийц ненароком позабыл упомянуть в своей долгой речи, посвященной высокому уровню подготовки профессиональных убийц и особой ценности данной Гильдии для города. Не выдержав агрессивного внимания Витинари, голос Низза наконец затих.

— Большое спасибо, лорд Низз, — произнес Витинари. — Уверен, теперь, зная все вышеизложенное, мы уже не сможем спать так спокойно, как раньше. Но хотелось бы уточнить одну небольшую детальку... Слово «ассасин», другое название наемного убийцы, — оно ведь пришло к нам из клатчского?

— Ну... да...

— И если не ошибаюсь, многие ваши студенты тоже прибывают из Клатча или граничащих с ним стран?

— Не имеющий себе равных уровень нашего образования...

— С этим я не спорю. Но в общем и целом суть твоей речи сводится к тому, что убийцы клатчского происхождения давно уже обосновались в нашем городе, хорошо его узнали, а в качестве дополне-

ния с вашей любезной помощью отточили навыки, которыми традиционно владеют.

— Э-э...

Патриций повернулся к президенту Гильдии Оружейников.

— Насколько мне известно, в области вооружений мы лидируем с серьезным отрывом. Правильно, господин Коренной?

— О да! Что бы там ни говорили о гномах, но за последнее время именно мы воплотили в жизнь наиболее выдающиеся разработки... — мгновенно откликнулся тот.

— А. Хоть это немного утешает.

— Да, — согласился Коренной и неловко пожегил. — Но коли речь зашла о производстве оружия, сэр, то есть одна деталь... важная деталь...

— Полагаю, суть этой важной детали сводится к тому, что оружейный бизнес — это прежде всего бизнес? — уточнил патриций.

Судя по лицу Коренного, бедняга отчетливо понимал: вознесшись до самых вершин, теперь он летит в пропасть.

— Э-э... да.

— Иными словами, оружие является объектом продаж.

— Э-э... именно.

— И любой, кто пожелает, может его купить.

— Э-э... да.

— Независимо от того, как покупатель намеревается его использовать.

Лицо президента Гильдии Оружейников приняло оскорбленное выражение.

— Прошу прощения? Это само собой разумеется. Ведь мы говорим об оружии!

— И полагаю, в последние годы Клатч был очень выгодным клиентом?

— В общем, да. Оружие нужно серифу для усмирения провинций...

Патриций поднял руку. Стукпостук, его слуга и секретарь, вложил в нее листок.

— «Великий уравниатель», перевозной десятизарядный пятисотфунтовый арбалет? — Витинари поднял брови. — Так-так, посмотрим, что там еще... «Метеор», автоматический кинжалометатель, обезглавливает за двадцать шагов, если обезглавливание не полное, деньги возвращаются... Весьма любопытно.

— Сэр, вы когда-нибудь про д'рыгов слышали? Это такое кочевое племя, — вставил Коренной. — Говорят, единственный способ убить д'рыга — это долго-долго рубить его топором, а останки похоронить под камнем. И камень стоит выбрать потяжелее.

Патриций с интересом рассматривал большой рисунок с изображением «Дервиша Mk-III», боло из колючей проволоки. Воцарилось напряженное молчание. Коренной попытался заполнить пустоту — действие, как показывает практика, всегда ошибочное.

— Кроме того, мы даем Анк-Морпорку рабочие места, в которых он так нуждается... — пробормотал он.

— Экспортируя оружие в другие страны, — завершил лорд Витинари.

Он вернул бумаги секретарю и дружелюбной улыбкой пригвоздил Коренного к стулу.

— Вижу, твое дело, господин Коренной, процветает, и это не может не радовать, — произнес он. — Я запомню сей факт.

Патриций медленно соединил пальцы.

— Итак, господа, должен вам сообщить, что ситуация вышла из-под контроля. И судя по всему, очень скоро прольется кровь.

— Чья? — побледнел Коренной.

— Прошу прощения, не понял?

— Что? О... Я просто думал о своем, милорд.

— Лично я говорил о некотором количестве наших сограждан, отправившихся на этот проклятый богами, неизвестно откуда взявшийся островок. С клатчского побережья, насколько мне известно, туда же отплыла подобная делегация.

— И что наши сограждане там забыли? — осведомился господин Боггис, глава Гильдии Воров.

— Гонимые духом истинных первооткрывателей, они прибыли туда в поисках богатств и... еще больших богатств, которые сулят всякие новые земли, — объяснил лорд Витинари.

— А клатчцы что там потеряли? — поинтересовался лорд Низз.

— О, эти беспринципные оппортунисты всегда готовы загрести то, что плохо лежит, — пояснил лорд Витинари.

— Не в бровь, а в глаз, милорд. Очень точное описание, если позволите заметить, — живо отреагировал Коренной, посчитав, что наконец-то обрел под ногами твердую почву.

Патриций заглянул в свои бумаги.

— Прошу прощения, — пробормотал он. — Похоже, я прочел последние две формулировки в неправильном порядке... Господин Кривс, думаю, тебе есть что сказать по обсуждаемой теме?

Президент Гильдии Законников откашлялся — вернее, издал нечто подобное предсмертному хрипу. Подобным образом мог кашлять только человек, стоящий одной ногой в могиле. Но с технической точки зрения господин Кривс стоял там обеими ногами вот уже на протяжении последних нескольких сотен лет. Проще говоря, он был зомби. Впрочем, на свое нынешнее состояние он нисколько не жаловался — наоборот, теперь он мог работать, не отвлекаясь на обеденные перерывы и сон.

— Разумеется, разумеется... — Кривс открыл большущий талмуд. — История города Лешпа и окружающих его территорий довольно темна. Однако известно, что почти тысячу лет назад город находился над поверхностью моря. Утверждается также, что данные территории считались частью Анк-Морпоркской империи...

— Но откуда взялась эта книга и сказано ли в ней, кто именно считал их таковыми? — перебил патриций. В этот самый момент отворилась дверь и вошел Ваймс. — А, командор, присаживайся. Продолжай, господин Кривс.

Зомби очень не любил, когда его прерывали. Он еще раз загремел горлом.

— Записи, посвященные пропавшей земле, сделаны несколько столетий назад, милорд. И конечно, это *наши* записи, милорд.

— Только наши?

— Но о чьих еще записях может идти речь? — сухо осведомился господин Кривс.

— А как насчет клатчских источников? — встал с дальнего конца стола Ваймс.

— Сэр Сэмюель, в клатчском языке нет даже такого понятия, как «законник», — язвительно сообщил Кривс.

— В самом деле? Везет же некоторым.

— В общем и целом мы считаем, — Кривс слегка повернулся на стуле так, чтобы не смотреть на Ваймса, — новая земля принадлежит нам согласно Закону о неотчуждательности собственности, Постановлению об экстра-территориальности и, самое главное, в соответствии с юридическим понятием «цапус первус». Насколько мне известно, нога именно нашего рыбака первой ступила на эту землю.

— А я слышал, клатчцы утверждают, будто бы эта самая нога принадлежала клатчскому рыбаку, — заметил Витинари.

Ваймс на своем конце стола зашевелил губами.

— Цапус... Иначе говоря, кто успел, тот и съел? — перевел он вслух.

— Но мы же не станем верить им на слово, — возразил Кривс, демонстративно игнорируя Ваймса. — Прошу прощения, милорд, но я не считаю, что в своих действиях гордый Анк-Морпорк должен руководствоваться голословными заявлениями банды разбойников, обматывающих свои головы полотенцами.

— В самом деле! Пора уже преподавать хороший урок этим варварам-клатчцам! — взвился лорд Си-

лация. — Помните прошлогоднюю неразбериху с капустой? Они завернули целых десять наших кораблей!

— А ведь всем известно: гусеницы только способствуют приятственным запахам... — пробормотал в пространство Ваймс.

Патриций стрельнул в него взглядом.

— Вот именно! — Лорд Силация разгорячился еще больше. — Настоящий белок, без обмана! А помните, что пришлось пережить капитану Дженкинсу?! Из-за какой-то баранины его чуть было не бросили в тюрьму! В *клатчскую* тюрьму!

— Не может быть! Но, позеленев, мясо становится особо нежным... — вставил Ваймс.

— Зеленое, синее... Какая разница? — махнул рукой Коренной. — Это их карри все равно есть невозможно. А еще я как-то раз был на обеде у них в посольстве, так знаете, что мне подали? Бараньи...

— Прошу прощения, господа. — Ваймс поднялся. — Но меня ждут неотложные дела.

Он кивнул патрицию и спешно покинул залу. Закрыв за собой дверь, Ваймс полной грудью вдохнул свежий воздух, хотя в эту секунду он вдохнул бы с точно таким же наслаждением, окажись он на сыромятне, а не в коридоре дворца патриция.

Капрал Задранец вскочила и выжидающе посмотрела на Ваймса. У ног Шелли стоял мирно воркующий ящик.

— Произошли кое-какие события. Беги в... то есть пошли голубя в Ярд.

— Есть, сэр!

— Все отпуска и отгулы отменяются, и я хочу